

МАОИСТСКАЯ «КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»...

(ОКОНЧАНИЕ)

О. Борисов, М. Ильин

Углубление кризиса маоистского режима после IX съезда КПК. IX съезд, как известно, не выдвинул никакой позитивной программы социально-экономического строительства. Тезис Мао Цзэ-дуна, провозглашенный во время съезда, «Сплачивайтесь во имя завоевания новых побед!» повис в воздухе, ибо этот призыв означал лишь сплочение вокруг Мао по принципу личной преданности его персоне. Главным содержанием всей деятельности маоистов по-прежнему были «борьба, критика и преобразование в области надстройки», то есть перетряхивание партии, государственного аппарата и всей политической структуры общества. Такова та неустойчивая «платформа сплочения» своих сторонников, которая была выдвинута Мао Цзэ-дуном на съезде.

Как же функционировал маоистский режим на этой «платформе»? После IX съезда политическая власть в Китае строится по принципу бюрократического централизма. Она сосредоточена в руках небольшой группы маоистов. Их главная опора — армия, репрессивный аппарат, милитаризм и культ личности Мао Цзэ-дуна. IX съезд укрепил положение в ЦК КПК маоистов и предоставил им ключевые посты в центральном правительственном аппарате. По состоянию на 1 января 1973 г. военные (даже с учетом чистки сторонников Линь Бяо и смерти некоторых членов ЦК КПК) продолжали составлять большинство членов и кандидатов в члены ЦК КПК: на их долю приходилось почти 50% от общего состава ЦК (из 19 действующих руководителей центральных министерств и ведомств 12 человек являются военными). Из 29 партийных комитетов и ревкомов крупных административно-территориальных единиц провинциального уровня 22 возглавляли и продолжают возглавлять военные. Хотя в результате чистки сторонников Линь Бяо с сентября 1971 г. было снято с постов 9 первых и вторых секретарей провинциальных комитетов КПК, те, кто пришел на смену вычищенным, также являются военными¹.

Вся жизнь страны по-прежнему контролируется армией, продолжающей оставаться и в нынешних условиях наиболее организованной и влиятельной политической силой и являющейся также поставщиком руководящих кадров в партийный и государственный аппараты. Маоистское руководство не намерено отказываться от военного контроля, введенного в стране в виде системы «трех поддержек и двух военных» (поддержка левых, промышленности и сельского хозяйства, военный контроль и военное обучение). Хотя имеются сведения о выводе военных из части промышленных предприятий и коммун, а также свертывании в некоторых ведомствах прямого военного контроля, когда необхо-

¹ См. «Политика маоистов и действительность», «Коммунист», 1973, № 12, стр. 98—99.

димо, из армии направляются отряды, выполняющие те же функции². Председатели военно-контрольных комитетов в тех ведомствах, которые возобновляют нормальную работу после кампании «борьбы, критики и преобразований», как правило, назначаются руководителями этих учреждений (например, вновь назначенные министры водного хозяйства и энергетики, торговли).

За внешним фасадом кажущегося успокоения и нормализации обстановки в стране после IX съезда скрывалась острая политическая борьба за власть и разногласия о линии дальнейшего развития страны. Эти противоречия обострились в связи с подготовкой сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), которая, как говорилось на съезде, должна была состояться вскоре после съезда. Однако в 1969 г. маоистам не удалось созвать ВСНП, на котором предполагалось принять новую Конституцию КНР и образовать правительство и другие руководящие органы страны, решить вопрос о новом Председателе КНР. Следует отметить, что сессия ВСНП последний раз созывалась в конце 1964 — начале 1965 года. Полномочия правительства давно истекли.

Летом 1970 г. в курортном местечке Лушань в провинции Цзянси Мао созвал рабочее совещание руководящих деятелей ЦК КПК, которое затем превратилось в пленум ЦК. На совещании и пленуме между различными кланами, входящими в маоистскую группу, произошла острая схватка по вопросам распределения постов в государстве. Группа военных внесла предложение, чтобы на предстоящей сессии ВСНП Линь Бяо был избран Председателем КНР. Странники Линь Бяо намеревались взять в свои руки и ряд других ключевых постов в государстве. Это крайне встревожило как сторонников Чжоу Энь-лая, так и особенно деятелей, группировавшихся вокруг жены Мао Цзэ-дуна — Цзян Цин. Они опасались, что со временем, учитывая преклонный возраст Мао Цзэ-дуна, Линь Бяо и его сторонники могут вообще удалить с политической арены «левых», точно так же, как армия выгнала из городов хунвэйбинов — главную массовую опору «левых» экстремистов.

Перед угрозой установления сторонниками Линь Бяо полного контроля над органами власти в стране ранее враждовавшие группы «прагматиков» во главе с Чжоу Энь-лаем и «левых» во главе с Кан Шэном и Цзян Цин объединились. Они использовали в своих целях и крайнюю подозрительность Мао Цзэ-дуна, внушив ему мысль о готовящемся заговоре Линь Бяо против Мао Цзэ-дуна. На лушаньском пленуме Мао Цзэ-дун обвинил Линь Бяо в том, что «он слишком рвется к власти», и предложил вообще упразднить пост Председателя КНР, чтобы не создавать ситуацию «двух председателей», как это было с 1959 по 1965 год. (В 1966 г. Лю Шао-ци незаконно был смещен с поста Председателя КНР и репрессирован).

Кроме того, на пленуме были впервые преданы гласности данные о давних тайных переговорах, которые велись китайскими представителями по указанию Мао Цзэ-дуна и Чжоу Энь-лая с Вашингтоном. Судя по всему, об этих контактах почти все руководство Китая, включая «заместителя председателя» и «ближайшего преемника», не знало. Объявление на пленуме намерения Мао Цзэ-дуна пойти на резкий поворот в отношениях с США для концентрации борьбы против Советского Союза, очевидно, вызвало на пленуме впечатление разорвавшейся бомбы. Кстати, эта новая линия Мао противоречила документам IX съезда КПК. В докладе на съезде Линь Бяо, как известно, поставил на первое место необходимость борьбы против американского империализма: «Американский империализм, этот злейший враг народов всего мира, все дальше катится вниз». Он привел также следующее «новейшее указание»

² См. «Жэньминь жибао», 24. II. 1973.

Мао: «Начался новый исторический период — период борьбы против американского империализма и советского ревизионизма»³. Теперь же Мао, по сути дела, провозгласил еще один «новый этап» — сотрудничество с американским империализмом для... борьбы против Советского Союза. Такой поворот показался слишком крутым даже для выдавших виды деятелей типа Линь Бяо и его сторонников.

Выступив с сомнениями по поводу правильности такой линии, Линь Бяо тем самым нарушил им же выдвинутую «заповедь» — «слушаться председателя Мао», «делать все дела согласно указаниям председателя Мао вне зависимости от того, понимаешь ты это указание или нет. Делай! Поймешь позднее». Одновременно Линь Бяо в глазах Мао перестал быть «самым верным» и «самым преданным» — все это придавало дальнейшему драматическому развитию событий необратимый характер⁴. Их финалом были «сентябрьские события» 1971 года.

Пожалуй, самым неясным моментом лушаньского пленума ЦК КПК (1970 г.) является устранение с политической арены одного из наиболее близких и давнишних единомышленников и помощников Мао Цзэ-дуна — Чэнь Бо-да. Действия Чэнь Бо-да как руководителя «группы по делам культурной революции при ЦК КПК» вызывали резкую критику как Линь Бяо, так и Чжоу Энь-лая и служили одним из факторов, нарушивших «равновесие» в клане. Можно предположить, что, с точки зрения Мао Цзэ-дуна и Цзянь Цин, престарелый «теоретик идей Мао Цзэ-дуна» уже «сыграл свою роль» и им можно было пожертвовать для умиротворения других членов группы, поддержка которых для Мао Цзэ-дуна значила больше, чем «личная преданность» Чэнь Бо-да. Позже Чэнь Бо-да связали с «делом Линь Бяо», изобразив его сторонником последнего, что не может быть подтверждено никакими фактами. Обвинения в адрес Чэнь Бо-да, сделанные Чжоу Энь-лаем на X съезде КПК, звучат совершенно бездоказательно. Тем более голословно звучат слова о том, что Чэнь Бо-да был устранен после того, как «выявилось», что он троцкист. Известно, что Исполком Коминтерна действительно еще в 30-х годах осудил Чэнь Бо-да за троцкистские взгляды. Но ведь это было хорошо известно всему руководству ЦК КПК еще в то время, в том числе Мао Цзэ-дуну и тем более Чжоу Энь-лаю, представлявшему в те годы КПК в ИККИ. Однако это не помешало тому же Мао Цзэ-дуну после осуждения взглядов Чэнь-Бо-да Коминтерном сделать Чэня своим политическим секретарем и предоставить ему играть роль одного из ведущих теоретиков КПК.

«Сентябрьские события» 1971 г., продемонстрировав глубину кризиса маоизма, одновременно вызвали определенные изменения в правящей верхушке и проходимой ею политике. Однако они не затронули существа политического порядка, сложившегося в Китае в результате «культурной революции». После устранения Линь Бяо и его сторонников в правящей верхушке КНР сложился новый баланс сил. Из 25 членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПК, сформированного на IX съезде партии, к 1973 году оставались на своих местах лишь 16 человек, а число активно действующих членов и кандидатов в члены Политбюро сократилось до 12 человек. Устранение Линь Бяо и других влиятельных деятелей привело в целом к ослаблению позиций военных в руководящей верхушке КНР и временному прекращению существования единой военной группы в руководстве. Военные утратили важный пост заместителя председателя ЦК КПК, ослабели их позиции в центральном партийном аппарате. Военных в Политбюро, помимо Е Цзянь-ина, Цзи Дэн-куя и Ли Дэ-шэна, представляют также командующие крупными военными ок-

³ «Великая пролетарская культурная революция» (важнейшие документы) (на русск. яз.). Пекин. 1970, стр. 76, 92.

⁴ Некоторые детали развития этих событий изложены, правда, в маоистской интерпретации, в статье У. Берчетта «Подробная история заговора Линь Бяо» («Far Eastern Economic Review», 20. VIII. 1973.

ругами Сюй Ши-ю и Чэнь Си-лянь, которые располагают реальной силой на местах и имеют определенный вес в руководстве.

Новое равновесие сил в китайском руководстве было достигнуто на основе временного компромисса между сторонниками Чжоу Энь-лая и группой новых руководителей, выступивших совместно против Линь Бяо и его окружения. Их объединило стремление убрать со сцены своих сильных соперников, несколько ослабить чрезмерно раздутое влияние армии, прикрыть существование маоистского режима, «демократизировать» его и создать более благоприятные условия для осуществления своего особого курса.

Образовавшийся после сентября 1971 г. статус-кво в пекинской верхушке подтачивался серьезными разногласиями между различными группировками по вопросам, касающимся кадровой политики, конкретных путей и методов реализации маоистского курса внутри и вне страны. Несмотря на чистку, последовавшую после сентября 1971 г., сторонники Линь Бяо продолжали до последнего времени занимать еще довольно сильные позиции, особенно на местах. Видимо, этим объясняется тот факт, что китайское руководство вплоть до X съезда не объявляло официально об устранении Линь Бяо и продолжало вести интенсивную чистку и разъяснительную кампанию по этому делу. В новогодней (1973 г.) установочной статье газеты «Жэньминь жибао» и других маоистских официозов критика «мошенников типа Лю Шао-ци» по-прежнему выдвигалась в качестве самой важной и первоочередной политической задачи текущего года.

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на некоторое, а по сути дела, чисто внешнее сокращение присутствия военных во всех сферах общественной и политической жизни Китая, нет никаких оснований говорить о том, что произошли какие-либо серьезные изменения в военно-бюрократическом характере власти в Китае. По сути дела, даже устранение Линь Бяо было направлено на упрочение этого режима, поскольку давало возможность свалить на него и его сторонников вину за наиболее экстремистские действия «культурной революции», замаскировать истинный характер власти и отвести таким образом недовольство населения от маоистского режима.

В документе ЦК КПК от 13 января 1972 г.⁵, который был разослан для объяснения кадровым работникам так называемого дела Линь Бяо, он изображается как заговорщик, вступивший в контакт с иностранными державами, причем делается провокационный намек на якобы существовавшие связи Линь Бяо с Советским Союзом. Вместе с тем из этого документа вытекает, что даже Линь Бяо и его сторонники оценивали маоистский режим как антисоциалистический по своему характеру. Судя по документу, сторонники Линь Бяо называли многие взгляды Мао троцкистскими и, в частности, пресловутую «теорию продолжения революции при диктатуре пролетариата». Сторонникам Линь Бяо слишком поздно стало ясно, что Мао, по словам этого документа, «стал прикрываться марксизмом-ленинизмом», а на самом деле «является верховным феодальным тираном», «современным Цинь Ши-хуаном». Приписывая Линь Бяо фантастическое стремление «реставрировать капитализм в Китае», составители документа, излагая оценки Линь Бяо внутреннего положения в стране, фактически разоблачают самих себя. Так, по словам этого документа, Линь Бяо, оценивая положение в Китае, говорил, что правящая верхушка погрязла в достигших наивысшей точки борьбы за власть интригах и внутренних распрях, что государственный аппарат превращен «в мясорубку уничтожения кадровых работников», что рабочие и крестьяне живут в тяжелых условиях, происходит «замораживание заработной платы рабочих», которая является «формой экс-

⁵ «Чжанван» (Гонконг), 1973, № 252 (на кит. яз.).

плуатации». В качестве криминала авторы документа приписывают Линь Бяо и его сторонникам такие «кошунственные» цели: «единство народа», «свержение феодальной династии современного Цинь Ши-хуана», «создание подлинной пролетарской социалистической державы», «единство мирового пролетариата», «осуществление политики пяти принципов мирного сосуществования», осуществление лозунга «зажиточный народ — сильное государство».

Бесконечные шараханья маоистов то «влево», то вправо породили среди кадровых работников неуверенность и непонимание. Даже офицоз маоистов журнал «Хунци» вынужден признать, что среди кадровых работников ревкомов широко распространена «теория» непознаваемости линии председателя Мао⁶. Одновременно журнал подчеркивает, что без критики взглядов Лю Шао-ци и Линь Бяо «нельзя добиться неуклонного осуществления линии председателя Мао и его политических установок», и признает, что взгляды Лю Шао-ци и «мошенников типа Лю Шао-ци» имеют широкое распространение и что «подверглись основательной критике» лишь отдельные стороны их деятельности. Журнал сетует, что кадровым работникам «в некоторых вопросах еще не совсем ясно, где же в конце концов проходит граница между правильным и ошибочным». Маоисты вынуждены признать, что даже среди членов «руководящего ядра» ревкомов и парткомов провинций «существует вопрос, какую линию проводить». Журнал обвиняет местных работников в том, что среди них «серьезно проявляется децентрализм... трусость, лень, бездеятельность»⁷.

Поскольку с именем Линь Бяо связаны многие кардинальные решения «культурной революции», и прежде всего IX съезда КПК, забвение которых подорвало позиции Мао Цзэ-дуна и идейно-теоретическую базу маоистов в целом, с их стороны предпринимаются большие усилия, чтобы «спасти» репутацию IX съезда и дезинтегрировать его с Линь Бяо, утверждая, как это было сделано на X съезде, что доклад Линь Бяо «был разработан под непосредственным руководством председателя Мао Цзэ-дуна» и что Линь Бяо «тайно интриговал против этого доклада», «но в конце концов согласился зачитать его»⁸.

Выражением продолжающегося кризиса маоизма является то, что вопрос о партии и ее роли в политической жизни — предмет острейшей борьбы. Дело в том, что подлинная Коммунистическая партия Китая, носительница славных революционных традиций рабочего класса и лучших сынов китайских трудящихся после острого кризиса, в котором она оказалась с конца 50-х годов, была фактически разрушена маоистами в ходе «культурной революции». Отсутствие другой, более широкой политической организации типа партии и передача ее функций армии, как это фактически произошло в 1966—1967 гг., привело к тому, что маоисты, будучи сравнительно узкой кастой, все более оказывались в зависимости от позиции армии, которая отнюдь не всегда была готова слепо выполнять «высочайшие указания». Поэтому, с точки зрения маоистов, партия была необходима и для того, чтобы создать массовый организационный противовес армии как средство более эффективного контроля над армией. Особенно заинтересована в придании именно таких функций этой партии группировка Цзян Цин—Яо Вэнь-юаня, не имеющая в стране другой социально-политической опоры. Что касается армейских кадров, то они также проявляют заинтересованность в наличии такой политической организации, которая, находясь под их контролем, служила бы рычагом осуществления конкретного управления и руководства текущими делами экономики, гражданского строительства, регулирования социальных отношений в стране и т. д. Одновременно армии нужна пар-

⁶ «Хунци», 1972, № 5.

⁷ «Хунци», 1972, № 9.

⁸ См. «Жэньминь жибао», 1. IX. 1973.

тия и в качестве своеобразного буфера между нею и обществом, чтобы оградить личный состав армии от влияния внутривнутриполитических кризисов в стране, порождаемых маоистской политикой.

Как видно, подход различных политических сил китайского общества к вопросу о партии различен, что и обуславливает острую борьбу за контроль над ней. Маоисты, проводя «упорядочение и строительство партии», испытывают постоянный страх перед тем, что даже эта новая партия станет центром консолидации анtimaоистских сил. Отсюда постоянные чистки, перетряхивания едва организованных партийных комитетов провинциального и уездного звена. Создаваемая маоистами партия не имеет, по существу, сколь-нибудь прочной политической и идеологической платформы. Лишь к 19 августа 1971 г. в КНР было закончено создание комитетов КПК на уровне провинций. Одновременно, если судить по сообщениям китайской печати, велась довольно активная работа по строительству низовых органов партии: окружных, уездных, городских и низовых парторганизаций. За период с 27 февраля по 30 июня 1971 г. появились сообщения о создании парткомов во всех уездах и городах провинций Хунань, Хэнань, Цзянси, Гуанси, Аньхой. Однако после «сентябрьских событий» 1971 г. было объявлено лишь об одной провинции, в которой были восстановлены партийные органы на уровне округов и уездов. После этого в китайской печати никаких обобщенных сведений о ходе восстановления местных парторганизаций не появлялось. Тем не менее, видимо, маоистам удалось создать парткомы почти повсеместно. Однако при этом следует учитывать весьма важное обстоятельство, которое заключается в том, что создание (зачастую формальное провозглашение) парторганов вовсе не равнозначно действительности и активности парторганизаций в целом. В настоящее время одной из главных забот маоистов остается положение в руководящих органах партии; китайская пропаганда постоянно подчеркивает необходимость «сплочения и единых действий» всех членов парткомов и в особенности первых и вторых секретарей.

Процесс «упорядочения и строительства партии» постоянно сталкивался со многими трудностями. Одна из главных причин этих трудностей заключается в борьбе между различными группировками за преобладающее влияние в партийных органах. «Дело Линь Бяо» еще больше осложнило процесс «упорядочения» партии, поскольку оно привело к весьма серьезным последствиям. Было подвергнуто «чистке» 25 членов и кандидатов в члены ЦК (21 из них связан непосредственно с делом Линь Бяо). Резко сузился состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и самого Политбюро. Видимо, это обстоятельство заставило китайское руководство форсировать работу по возобновлению деятельности отделов ЦК КПК. В 1972 г. появились сообщения об отделах оргработы, пропаганды, единого фронта. Таким образом, в ЦК КПК функционирует в настоящее время 6 отделов (3 вышеупомянутых и Военный совет, канцелярия ЦК, отдел внешних сношений). Руководство большинством отделов ЦК находится в руках группировки Цзян Цин.

Ныне стало уже очевидным, что IX съезд не смог создать жизнеспособного руководства маоистской партии. Образованные на этом съезде ЦК КПК и Политбюро оказались малодеспособными и разъедались групповщиной. ЦК фактически не имел реальной власти и за 4 года собирался всего два раза. Кардинальные чистки в руководстве и изменения в политический курс страны вносились в обход ЦК. Вся власть по-прежнему была сосредоточена в руках узкой группы лиц, приближенных к Мао Цзэ-дуну, которые не питали политического доверия к большинству состава ЦК.

Маоистская пропаганда постоянно заявляла о необходимости укрепления «единого руководства партии». Под этим имеется в виду прежде всего усиление авторитета лично Мао Цзэ-дуна. Помимо этого, «единое

руководство партией» конкретно проявляется в слиянии партийного, государственного и военного аппаратов. Провинциальные, городские, уездные парткомы и ревкомы возглавляются, как правило, одними и теми же лицами, преимущественно военными, причем состав первых лиц в обоих этих органах зачастую идентичен. На предприятиях, в коммунах партийное и административное руководство также сосредоточивается в руках одних и тех же людей. Подчеркивая важность установки Мао, «партия руководит всем» и требуя ее осуществления на практике, маоисты рассчитывают таким путем в первую очередь усилить влияние партийных органов на армию, поскольку армейские руководители, как заявляет пекинская пропаганда, должны чувствовать себя «членами одной бригады» (то есть руководства парткома) наравне с кадровыми работниками и представителями «революционных масс». Однако воссоздание партии практически ничего не меняет в нынешнем механизме политической власти, а имя партии и ее авторитет используются для прикрытия существующего военно-бюрократического режима, и, следовательно, этот процесс также используется маоистами в целях стабилизации и укрепления все тех же военно-бюрократических порядков.

С 1971 г. происходит оживление деятельности ряда общественных организаций. В директивной «новогодней» (1973 г.) статье трех редакций подчеркивалось: «Профсоюз, комсомол, организация хунвэйбинов, детская организация хунсяобинов, организация бедняков и низших середняков, а также женская организация должны быть постепенно оздоровлены путем их упорядочения»⁹. Особое внимание маоисты стали обращать на работу среди молодежи, подвергая ее усиленной шовинистической, антисоветской обработке, расслаивая ее и делая все возможное, чтобы превратить молодежь в послушное орудие маоистской политики. Следует учитывать при этом то обстоятельство, что молодежь в Китае составляет 40% общего населения страны. Китайская печать сообщает о проходящих в городах и провинциях конференциях КСМК и о создании новых комитетов комсомола. Изменился подход к профсоюзам, поскольку ранее об их восстановлении даже не вспоминали. Появились симптомы возобновления деятельности Всекитайской федерации женщин и т. д.

Однако следует иметь в виду, что этот процесс «демократизации», или «либерализации», как его называют в буржуазной прессе, вовсе не означает восстановления этих организаций на тех же идейно-политических и организационных основах, которые существовали до «культурной революции». Постепенное возобновление их работы вызвано в первую очередь тем, что маоисты, чувствуя сужение своей социальной базы, стремятся приостановить этот процесс и расширить свое влияние путем создания различных общественных организаций, находящихся под их руководством.

Государственное строительство КНР также поставлено на службу делу укрепления военно-бюрократического режима. Население Китая, по существу, находится в бесправном положении — Конституция КНР, принятая в 1954 г., фактически растоптана, разогнаны конституционные органы власти — собрания народных представителей. Высший законодательный орган КНР — Всекитайское собрание народных представителей — не собирается более восьми лет. Остаются вакантными ряд важных государственных постов, в том числе такие, как пост министра обороны и др. Не назначено пока ни одного нового заместителя премьера Госсовета. Следует отметить, что нынешнее правительство КНР вот уже почти десять лет работает без конституционного мандата. В органах государственного управления все еще продолжается кампания «борьбы, критики и преобразований». Многие министерства и ведомства находят-

⁹ «Хунци», 1973, № 1.

ся в неопределенном состоянии, поскольку процесс перестройки госаппарата (особенно центральных ведомств) еще не завершен. Из 80 центральных учреждений (40 министерств, 9 комитетов, 23 управления, 7 канцелярий и секретариат), входивших в Госсовет до «культурной революции», к середине 1973 г. функционировало 42 (некоторые министерства были объединены), однако только в 19 из них имеются главы этих ведомств. Что касается органов провинциального уровня и ниже, то наибольшее беспокойство маоистов вызывают постоянные тенденции к «местничеству» и созданию «удельных княжеств», которые проявляются в действиях руководства некоторых провинций. За последнее время были смены представители ревкомов в 9 провинциях.

В государственном аппарате в последнее время осуществляется ряд других организационных мероприятий, в том числе отзыв военнотружущих из гражданских учреждений и промышленных предприятий, частичное упразднение военно-контрольных комитетов и т. д. Однако, по существу, это лишь маскировка наиболее одиозных проявлений военно-бюрократического режима, поскольку военные, осуществлявшие контроль в гражданских учреждениях, как правило, оставались на работе в этих учреждениях с назначением их на руководящие посты. Весь смысл мероприятий, проводимых в области государственного строительства в КНР, направлен на упрочение военно-бюрократического режима с устранением наиболее экстремистских его проявлений.

Одним из конкретных проявлений линии на укрепление режима, созданного «культурной революцией», и поисков путей обеспечения его эффективного функционирования является довольно широкая кампания за «освобождение» и «реабилитацию» прежних партийно-государственных кадров, в том числе и тех, которые, с точки зрения маоистов, допускали «серьезные политические ошибки». Китайская пропаганда косвенно осудила массовое избиение кадров в период «культурной революции», возложив вину за это на... Лю Шао-ци и Линь Бяо. Вновь публично появились Дэн Сяо-пин (зам. премьера, бывший генеральный секретарь ЦК КПК (1956—1966 г.)), Тань Чжэнь-линь (зам. премьера по вопросам сельского хозяйства, бывший член Политбюро), Уланьфу (бывший кандидат в члены Политбюро) и некоторые члены и кандидаты в члены ЦК КПК 8-го созыва, выведенные из состава ЦК на IX съезде. В прессе появляются утверждения, что в настоящее время реабилитировано 90—95% руководящих работников провинциальной, окружной и уездной ступеней, а также кадровые работники низового звена и что значительная часть из них направлена на прежнюю работу.

В 1972 г. китайская пропаганда неоднократно подтверждала курс на повышение роли старых кадров и в то же время призвала смелее выдвигать на руководящие посты новые силы, особенно из среды рабочих, крестьян и грамотной молодежи.

Что касается руководящих кадров высшей ступени, то тут процесс реабилитации идет довольно медленно, носит ограниченный характер. В частности, из 122 бывших членов и кандидатов в члены ЦК КПК 8-го созыва, не вошедших в состав ЦК на IX съезде, были реабилитированы и появлялись публично пока лишь 8 человек. Из 115 членов Постоянного комитета ВСНП 3-го созыва в 1972 г. публично появлялись лишь 43 человека. Из 57 человек, входивших в состав Государственного совета КНР до «культурной революции» (включая премьера, его заместителей, министров и председателей комитетов), в последнее время упоминаются в печати лишь около 30 человек, а из 324 руководящих работников Госсовета в ранге заместителей министров и заместителей председателей комитетов публично появляются около 100 человек. При этом только часть этих людей восстановлена на работе в соответствующих должностях. Многие из них до сих пор не устроены либо понижены в должности.

Процесс реабилитации наталкивается на значительные трудности. Они возникают и из-за борьбы внутри маоистской верхушки за усиление влияния на отдельные группы кадровых работников, и из-за опасений за свои посты «молодых кадров», выдвинувшихся в годы «культурной революции» и составляющих большинство во всех органах партийного и государственного аппарата, и из-за пассивности, проявленной «освобожденными» (то есть реабилитированными) кадрами, боящимися повторения репрессий.

Кампания по реабилитации кадров создает иногда неоправданное представление относительно возможности коренного изменения маоистского курса. Однако такой вывод как минимум преждевременен, поскольку реабилитированные кадры используются прежде всего как исполнители маоистских указаний и специалисты.

Появились некоторые новые тенденции в политике китайского руководства в отношении использования интеллигенции и прежде всего инженерно-технических и научных кадров. Некоторые представители интеллигенции, подвергавшиеся критике во время «культурной революции», были реабилитированы и направлены на прежнюю работу. Это относится, в частности, к ученым, преподавателям и инженерно-техническим работникам. Привлекая интеллигенцию к работе в различных областях, китайское руководство по-прежнему испытывает недоверие к ней, контролирует ее деятельность и продолжает уделять большое внимание идеологической обработке представителей интеллигенции.

«Культурная революция» создала предпосылки для утверждения примитивной идеологии в качестве господствующей в китайском обществе. Правда, маоисты и сейчас не отказываются окончательно от использования в своих интересах того огромного идейного и нравственного заряда, того высокого авторитета, который связан с марксизмом-ленинизмом в глазах трудящихся страны и особенно революционеров всего мира, международной общественности.

Однако речь идет здесь лишь о беззастенчивом жонглировании марксистскими понятиями, терминами, в которые маоисты вкладывают чаще всего противоположное содержание. В документах IX и X съездов КПК можно найти огромное количество примеров такого рода эквилибристики. Так, официально провозглашая установку на «укрепление диктатуры пролетариата», ею прикрывают борьбу за утверждение диктатуры маоистской группировки; за лозунгом «продолжения революции при диктатуре пролетариата» стоит разрушение всех политических институтов рабоче-крестьянской власти, реакционный переворот; лозунг «очищения партии от людей, идущих по капиталистическому пути», означает уничтожение противников личной диктатуры Мао; лозунг «укрепления роли рабочего класса» камуфлирует опору на армию и развращение шовинизмом мелкобуржуазных слоев населения; лозунг «защиты чистоты марксизма-ленинизма» означает насаждение маоизма и социал-шовинизма. И в настоящее время продолжается эта тенденция использования некоторых работ классиков марксизма-ленинизма для придания революционного лоска «идеям Мао Цзэ-дуна». Подмена марксизма-ленинизма маоизмом означает принципиальный качественный поворот в развитии китайского общества: от научного коммунизма — к социал-шовинизму.

Известно, какому поруганию подверглась в ходе «культурной революции» тысячелетняя культура великого китайского народа. В последнее время, когда закончились наиболее грубые хунвэйбиновские эксцессы — костры из книг, разбитые статуи великих мастеров, осквернение храмов, — могло возникнуть впечатление, что начинается период более здравого и рационального отношения к культурным ценностям. Однако следует иметь в виду, что если во внешних проявлениях крайности вандализма исчезли, то, по сути дела, продолжается гораздо

более опасный и далеко идущий глубинный процесс «очищения» культуры и «промывания мозгов». Это выражается в резком сокращении количества учебных часов в действующих школах и институтах, в сведении к минимуму, примитивизации программ вузовского и школьного образования. Прерван и неизвестно когда будет возобновлен процесс ликвидации неграмотности. Свыше 70 млн. детей школьного возраста за последние годы были лишены возможности посещать школы, и значительная часть их, очевидно, так и останется безграмотной. В результате «культурной революции» страна не получила почти 5 млн. специалистов высшей и средней квалификации.

Китайские власти вынуждены ныне принять меры по нормализации учебного процесса в школах. В частности, вновь возрождается система экзаменов и оценок, больше внимания стало уделяться общеобразовательным дисциплинам, на изучение которых теперь отводится до 70% учебного времени. Однако в целом процесс восстановления школьного образования еще не завершен. До сих пор отсутствует централизованное руководство школами, нет единых программ и единых учебных пособий, не хватает учителей, уровень преподавания, по признанию китайской печати, остается крайне низким. В настоящее время, по оценкам специалистов, неграмотные по-прежнему составляют около половины населения Китая. До сих пор начальные школы посещают, судя по имеющимся сведениям, лишь $\frac{2}{3}$ детей, еще меньше охвачено неполным средним образованием. Полные средние школы имеются главным образом в городах.

К концу 1972 г. в Китае функционировало примерно $\frac{2}{5}$ всех высших учебных заведений, число которых до «культурной революции» составляло более 500. Резко сократилось число студентов вузов, оно более чем в 10 раз меньше, чем до «культурной революции». Несмотря на это, маоисты пытаются создать видимость расцвета «новой пролетарской культуры, вдохновляемой идеями Мао Цзэ-дуна». Соответствующую иллюзию должны создать девять так называемых революционных спектаклей, которые, кстати говоря, были поставлены и подготовлены задолго до «культурной революции».

Таким образом, маоистская «культурная революция» серьезно дезорганизовала и прервала в стране процесс подлинной культурной революции, ликвидации неграмотности, подготовку социалистической интеллигенции, воспитание всех трудящихся в духе марксизма-ленинизма, социалистического патриотизма и интернационализма.

Милитаризация экономики и общественно-политической жизни КНР. Квинтэссенцию политики группировки Мао Цзэ-дуна составляет милитаризация всей жизни страны, получившая особый размах после IX съезда КПК, который провозгласил курс на войну как долговременную политическую программу всей нации. Милитаризация общественной жизни КНР заходит несравненно дальше обычного процесса укрепления обороны, распространяясь на всю экономику, политику и идеологию; она преследует цель не обороны Китая от империалистической агрессии общими усилиями социалистического содружества, а определяется экспансионистскими устремлениями.

Курс нынешнего пекинского руководства на милитаризацию тесно связан с известными взглядами маоистов по вопросам войны, мира и революции. Эти взгляды нашли дальнейшее выражение и подтверждение в материалах IX и X съездов КПК. В докладе Линь Бяо на IX съезде едва ли не главной задачей являлось доказательство тезиса о неизбежности и даже «желательности» новой мировой войны. Эта позиция основывается на том, что маоисты рассматривают войну как одно из главных средств достижения политических целей внутри страны и на международной арене. Аналогичную задачу пытался решить на X съезде и Чжоу Энь-лай. В связи с этим вновь вспоминается заявление Мао Цзэ-

дуна в 1957 г. на международном Совещании коммунистических и рабочих партий: «Если половина человечества будет уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен и во всем мире будет лишь социализм, а за полвека или за целый век население опять вырастет даже больше, чем наполовину...»¹⁰.

Выступая на II сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.), Мао Цзэ-дун с еще большей откровенностью изложил свои взгляды относительно мировой войны: «Война, ну и хорошо. Быстрее можно будет начисто покончить с империализмом. Полагаю, что с ним можно было бы покончить за 3 года. При наличии атомных бомб война может продлиться на год меньше, чем раньше. Зато потом не будет больше войн. Войны не нужно бояться. Будет война — значит, будут мертвые. Сидящие здесь товарищи видели смерть. Смерть не страшна. Если из 600 миллионов человек половина погибнет, останется 300 миллионов человек. Со времен императора У-ди до эпохи Троецарствия, до Северных и Южных династий население Китая с 50 миллионов человек сократилось почти до 10 миллионов. В период царствования династии Тан вспыхнуло восстание Ань Лу-шаня, которое продолжалось до эпохи Пяти династий, когда Китай снова распался на 10 государств. Войны длились более столетия. К моменту объединения страны династией Сун в Китае осталось лишь 10 с лишним миллионов человек, то есть население снова сильно сократилось. По-моему, атомная бомба не страшнее большого меча. Во время второй мировой войны Советский Союз потерял 20 миллионов человек, да другие европейские страны потеряли 10 миллионов человек. Итого потеряно 30 миллионов человек. После танских и минских императоров войны велись мечами, и во время этих войн было убито 40 миллионов человек. Если во время войны погибнет половина человечества — это не имеет значения. Не страшно, если останется и треть населения. Через сколько-то лет население снова увеличится. Я говорил об этом с Неру. Он не поверил. Если действительно разразится атомная война, не так уж это плохо, в итоге погибнет капитализм, и на земле воцарится вечный мир»¹¹.

После этого выступления в Китае широкое хождение получил тезис о том, что ради величия Китая можно пожертвовать 300 млн. китайцев. В сборнике «Да здравствует ленинизм» (1960 г.) маоисты, подтверждая свою ставку на войну, заявляли о готовности строить после мировой войны «в тысячу раз более высокую цивилизацию»¹². Нельзя не напомнить и следующее высказывание Мао Цзэ-дуна о войне: «Война есть высшая форма борьбы между нациями, государствами, классами, политическими блоками»¹³. Отсюда следует, что все другие формы отношений между государствами, например, мирное сосуществование, являются низшими формами отношений. В беседе с представителями журналистских и издательских кругов Китая 10 марта 1957 г. Мао Цзэ-дун заявил: «Наш коронный номер — это война, диктатура». Краеугольным камнем всей нынешней политической доктрины Пекина, в том числе и в области внешней политики, является тезис Мао Цзэ-дуна: «Весь мир можно преобразовать лишь с помощью винтовки»¹⁴. Во внутренней пропаганде китайское руководство, разжигая военный психоз, утверждает: «Теория о том, что войны можно избежать, — опасная теория... Войны избежать невозможно. Надо жестоко бороться со взглядами, будто бы в настоящей обстановке можно избежать войны»¹⁵. Все это убедительно

¹⁰ Цит. по сб. «Мао Цзэдун сысян ваньсуй» (Да здравствуют идеи Мао Цзэ-дуна) (на кит. яз.). Пекин. 1967.

¹¹ Там же.

¹² См. сб. «Да здравствует ленинизм» (на русск. яз.). Пекин. 1960, стр. 23.

¹³ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 1. М. 1951, стр. 325.

¹⁴ Цит. по: «Хунци», 1967, № 12, стр. 44.

¹⁵ Цит. по: «Маоистский курс: против мира и прогресса». М. 1973, стр. 42.

показывает смысл милитаризации в Китае и ее опасность для дела всеобщего мира.

Ныне в КНР развернута широчайшая кампания по нагнетанию военного психоза. Средства массовой пропаганды ведут ее под лозунгами: «Всю работу подчинить подготовке к войне», «Утвердить подготовку к войне в сознании людей», «Превратить 700-миллионный народ в 700 миллионов солдат», а «все горы и долины — в единый военный лагерь», «Не бояться смерти», «Пройти испытание войной». Подготовка к войне называется «великим стратегическим курсом Мао Цзэ-дуна». Население, которое считается политически благонадежным, сведено в подразделения и части народного ополчения, подчиненные армейскому командованию. В крупных городах периодически проводятся учения по противовоздушной обороне. Людей заставляют рыть окопы, щели и бомбоубежища. Судя по сообщениям иностранной печати, увеличен призыв в армию, усиливается боевая подготовка войск, некоторые гражданские предприятия переводятся на выпуск военной продукции, производится маскировка зданий, эвакуация промышленных и других объектов из крупных городов в отдаленные районы, сбор донорской крови у населения, создание запасов медикаментов. В августе 1969 г. было принято специальное постановление ЦК КПК о подготовке к войне, подписанное Мао Цзэ-дуном. 1973 год ознаменовался новым шагом в пропаганде милитаризации. Мао выдвинул лозунг «Глубже рыть убежища, больше запастись зерном»¹⁶.

Нагнетание военной опасности и антисоветизма диктуется гегемонистскими устремлениями и потребностями внутривосточного курса маоистского руководства Китая. Майский номер (1973 г.) японского журнала «Бунгэй Сюдзю» опубликовал свидетельство видного японского специалиста по китайской литературе М. Такэути. «Еще в 1960 году, когда я побывал в Китае,— пишет Такэути,— меня поразило высказывание тогдашнего министра иностранных дел Чэнь И, заявившего: «Если не существует внешних осложнений, то происходят внутренние беспорядки». Это означает, что те, кого Китай громкогласно провозглашает своим врагом, вовсе не являются таковыми. Мнимый враг нужен лишь для того, чтобы легче удержать власть в собственной стране. Это очень напоминает действия японской военщины, которая перед второй мировой войной непрерывно кричала о чрезвычайном положении».

Милитаризация китайского общества не только в корне противоречит задачам социалистического строительства в Китае, но и представляет угрозу, которую нельзя недооценивать. Тотальный милитаризм, помноженный на великодержавный шовинизм, может стать прямым источником войны, вооруженных столкновений локального или всеобщего характера.

Во внешней области китайский милитаризм своим острием направлен против Советского Союза и социалистического содружества. Маоисты запугивают население страны «угрозой с севера», пытаются внушить ему мысль об агрессивности СССР. «Неизбежность войны» пекинская пропаганда прямо отождествляет с неотвратимостью войны против Советского Союза. Тов. А. П. Кириленко подчеркнул в докладе, посвященном 56-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: «Нынешняя политика Пекина — это агрессивная политика. Смыкаясь с самой крайней реакцией, она стала орудием подрыва международной разрядки, направлена против мирового социализма и национально-освободительного движения»¹⁷.

Подчеркивая опасность маоистского курса на милитаризацию страны, вместе с тем следует учитывать, что современный китайский ми-

¹⁶ «Хунци», 1973, № 1.

¹⁷ «Правда», 7.XI.1973.

литаризм не имеет под собой глубоких корней в экономическом базисе общества, основой которого остается государственная и кооперативная собственность на основные средства производства; условия для его существования могут исчезнуть без последующего революционного переворота, в результате изменений надстроечного характера, уничтожения мелкобуржуазных маоистских извращений социализма.

Х съезд КПК и попытки оправдать маоистскую политику, приспособить ее к меняющейся обстановке. Проводившаяся после IX съезда КПК политика, как уже отмечалось, не давала решения коренных проблем страны и усугубляла разрыв между догмами маоизма и потребностями развития страны. Отсутствие у маоистов позитивной программы делало неизбежным применение методов насилия, запугивания, чистки для того, чтобы удержаться у власти и упрочить диктаторский режим. Положение для маоистов осложнялось тем, что и после устранения Линь Бяо борьба за власть не прекращалась, идейно-политические и организационные основы маоизма, дискредитированные «сентябрьскими событиями» 1971 г., требовали срочного подкрепления.

Именно эту задачу и призван был решить X съезд КПК, который готовился и проводился в обстановке исключительной секретности. После завершения съезда (он работал, согласно официальному коммюнике, с 24 по 28 августа 1973 г.) были опубликованы информационное коммюнике, политический отчет ЦК КПК, сделанный Чжоу Энь-лаем, доклад об изменениях в уставе партии, с которым выступил Ван Хун-вэнь, и текст нового устава КПК. Сами эти материалы также носили крайне общий и краткий характер (например, политический отчет ЦК КПК занял всего 19 страниц русского текста, а доклад Ван Хун-вэня — менее 10 страниц). Значение съезда может быть оценено, очевидно, по последующей практике. Известные же материалы носят противоречивый характер, содержат много недомолвок, намеков и двусмысленности и отражают уровень компромиссного согласия между двумя ведущими группами маоистов — «прагматиков» во главе с Чжоу Энь-лаем и «левых» экстремистов во главе с Цзян Цин и Яо Вэнь-юанем. Можно полагать, что этот компромисс достигнут с санкции Мао Цзэ-дуна.

Маоисты и на сей раз не выдвинули какой-либо позитивной и конкретной программы строительства страны. Такой «программой», видимо, следует рассматривать следующее заявление: «Съезд отмечает: в настоящее время мы, как и прежде, должны ставить на первое место движение за критику Линь Бяо и упорядочение стиля. Мы должны, максимально используя негативного учителя в лице антипартийной группировки Линь Бяо, воспитывать всю партию, всю армию и весь народ в духе классово-борьбы и борьбы двух линий, изучать марксизм-ленинизм — идеи Мао Цзэ-дуна, критиковать ревизионизм и буржуазное мировоззрение. Необходимо, как и раньше, как следует вести борьбу, критику и преобразования в области надстройки, в том числе и во всех отраслях культуры, усердно вести революцию и стимулировать развитие производства, стимулировать работу, стимулировать подготовку на случай войны, чтобы еще лучше выполнить работу во всех областях»¹⁸. Ни Чжоу Энь-лай, ни Ван Хун-вэнь ничего не добавляют к этому в плане анализа внутреннего развития Китая, его экономики, культуры и т. д. Даже те некоторые позитивные моменты в подходе к экономическим вопросам, которые порой встречались в последнее время в китайской печати, совершенно не получили отражения в документах съезда.

Одновременно в материалах съезда по существу содержатся признания, что маоизм как политическое течение не может функционировать в нормальной обстановке. Ему нужны постоянные потрясения, перманент-

¹⁸ См. «Информационное коммюнике о X съезде КПК». «Жэньминь жибао», 30. VIII. 1973.

ные чистки и перетряхивания всего общества. На маоистском жаргоне это называется «классовой борьбой в области надстройки», или «продолжением революции в условиях диктатуры пролетариата». Без всего этого маоизм очень быстро оказывается перед лицом опасности быть отброшенным объективным ходом развития социалистического строительства, поскольку он не способен выдвинуть позитивной программы такого строительства. Именно поэтому Чжоу Энь-лай заявил на съезде: «Борьба двух линий внутри партии... будет существовать еще длительное время, она будет возникать еще 10, 20, 30 раз, и снова будут появляться люди типа Линь Бяо, типа Ван Мина, Лю Шао-ци, Пэн Дэ-хуая и Гао Гана»¹⁹.

Ван Хун-вэнь в своем докладе на съезде также пытался обосновать неизбежность многократного повторения кампаний типа «культурной революции», ссылаясь на некий объективный закон классовой борьбы, открытый Мао Цзэ-дуном: «Полный беспорядок в Поднебесной ведет к всеобщему порядку. Это повторяется через каждые 7—8 лет. Всякая нечисть сама вылезает наружу. Не вылезть она не может, ибо это определяется ее классовой природой»²⁰.

Вот с помощью какой словесной эквилибристики пытаются маоисты оправдать свой антинародный курс и перманентные кампании террора и запугивания трудящихся Китая!

Таким образом, с точки зрения внутренних проблем Китая X съезд КПК лишь подтвердил линию IX съезда и те тактические отступления, которые маоисты вынуждены были сделать после «дела Линь Бяо», сосредоточив главное внимание на ослаблении напряженности в обществе, вызванной «сентябрьскими событиями» 1971 года. Именно поэтому «дело Линь Бяо» и формирование нового руководства стали центральным вопросом съезда. Однако в опубликованных материалах съезда, кроме бранных слов и ярлыков, не содержится ничего такого, что давало хотя бы намек на подлинную суть «сентябрьских событий» 1971 года. Вокруг всего этого маоисты сознательно создали завесу детективной таинственности, провокационных намеков на некие связи Линь Бяо с Советским Союзом и его загадочную «гибель» во время не менее загадочной катастрофы самолета «Трайдент» над МНР ночью 13 сентября 1971 года. Пока ясно одно: с помощью различных мифов и слухов маоисты пытаются замести следы собственных преступлений, спрятать в воду концы тех многочисленных темных дел, которые ныне инкриминируются Линь Бяо и его сторонникам, наконец, скрыть от народа и маоистской партии то, как Мао и его окружение расправляются со своими же сторонниками, если они в чем-то оказываются помехой для них.

Съезд подтвердил тезис о том, что «партия должна руководить всем», который стал настойчиво пропагандироваться после сентября 1971 года. Речь, разумеется, идет о руководстве маоистской партии, главные руководящие звенья которой стремятся взять в свои руки «левые» и с помощью партии укрепить свое положение в стране и прежде всего усилить свое влияние в армии. «Руководящая роль партии» — это руководящая роль маоистской группировки, которая перетряхнула партию и влила в нее огромную массу хунвэйбинов и других «активистов культурной революции».

По своему составу нынешняя партия, использующая вывеску КПК, в корне отличается от Компартии Китая. Об этом можно судить по следующим данным. В 1956 г. во время VIII съезда КПК насчитывала 10 734 384 члена партии²¹. К 1961 г. КПК увеличилась до 17 млн.²².

¹⁹ «Жэньминь жибао», 1.IX.1973.

²⁰ «Жэньминь жибао», 2.IX.1973.

²¹ «Документы VIII Всекитайского съезда КПК» (на кит. яз.). Пекин. 1956, стр. 150.

²² См. Лю Шао-ци. Речь на торжественном собрании, посвященном 40-й годовщине КПК (на русск. яз.). Пекин. 1961. стр. 14.

В дальнейшем данные о росте КПК не публиковались. Известно, что «культурная революция» разгромила КПК, более 5 млн. коммунистов было репрессировано. И вот на X съезде объявляется, что КПК насчитывает 28 млн. членов²³, но ни слова не говорится о социальном составе партии. И совершенно не случайно. Ибо стало бы очевидным перетряхивание состава партии, в которой более двух третей составляет «свежая кровь», то есть «выдвиженцы культурной революции» — те слои китайского общества, которые были обмануты, одурманены маоистской социальной демагогией, национализмом, антисоветизмом. И в конечном счете с этой точки зрения уже не имеет решающего значения, к какой социальной группе принадлежит тот или иной «выдвиженец культурной революции», ибо он является слепым орудием маоистской политики, объектом манипулирования.

Анализ состава руководящих органов, образованных на X съезде, подтверждает характер компромисса между главными кланами маоистов. Представители группировки Цзян Цин организационно значительно укрепили свои позиции в ЦК, в Политбюро и Постоянном комитете Политбюро. Мао Цзэ-дун, учитывая, видимо, уроки «дела Линь Бяо», пошел на расширение состава ЦК КПК. Было избрано 319 человек членов и кандидатов в члены ЦК КПК (на IX съезде их было 279 человек). Состав ЦК обновлен более чем на одну треть, в основном за счет исключения сторонников Линь Бяо. В Политбюро ЦК КПК, состоящем из 21 члена и 4 кандидатов в члены Политбюро, внешне создано равновесие между представителями группы Чжоу Энь-лая, группы Цзян Цин и военных. Однако, учитывая, что военные ныне не выступают как самостоятельная единая группировка, а примыкают или к группе Чжоу Энь-лай или к группе Цзян Цин, последняя имеет явный перевес. Об этом говорят следующие факты. Из пяти заместителей председателя ЦК КПК (на IX съезде заместитель был только один — Линь Бяо), трое — сторонники Цзян Цин (Ван Хун-вэнь, Кан Шэн, Ли Дэ-шэн), а двое составляют клан «прагматиков» (Чжоу Энь-лай и Е Цзян-ин). Из 9 вновь избранных членов Политбюро 6 связаны с группой Цзян Цин. По тактическим соображениям Мао Цзэ-дун в нынешней ситуации не стал открыто выдвигать свою жену Цзян Цин в число заместителей председателя или в Постоянный комитет Политбюро — она входит только в состав Политбюро. В данном случае Мао Цзэ-дун и Цзян Цин, очевидно, руководствуются заповедью Конфуция о том, что в смутное время правитель должен выдвигать на первый план других деятелей, а сам держаться в тени, так как если случится неудача, отвечать будут те, кто на первом плане, а в случае успеха заслуги будут принадлежать все равно правителю²⁴.

О внешнеполитических установках X съезда КПК. Линия на срыв разрядки международной напряженности, сговор с империализмом на антисоветской основе. В материалах X съезда КПК разделы, касающиеся внешней политики²⁵, не содержат серьезного и реалистического анализа международной обстановки. Однако оценки международной обстановки и некоторые высказывания о внешнеполитических намерениях Китая не могут не привлечь внимания. X съезд заявил, что КПК и правительство КНР «твердо и решительно претворяют в жизнь внешнюю политику, разработанную IX съездом», материалы и решения которого насквозь пропитаны откровенным социал-шовинизмом, притязаниями Мао Цзэ-дуна на гегемонию. В документах съезда сквозит явное

²³ См. «Жэньминь жибао», 30.VIII.1973.

²⁴ Конфуций. «Лунь юй», гл. «Тай Бо» (см. «Древнекитайская философия». Т. 1. М. 1972, стр. 155).

²⁵ См. Доклад Чжоу Энь-лая на X съезде КПК. «Жэньминь жибао», 1.IX.1973.

замешательство и недовольство Пекина разрядкой международной напряженности, которая прежде всего связана с активным мирным наступлением Советского Союза и стран социалистического содружества, является результатом усиления реалистических тенденций в политике ряда крупных западных государств, результатом роста мощи и международного престижа сил социализма, и прежде всего социалистического содружества.

Маоисты, вновь рядясь в тогу революционеров, утверждают: «Мы все еще живем в эпоху империализма и пролетарской революции». Прикрываясь превратно истолкованными цитатами В. И. Ленина об империализме, китайские руководители фактически вновь возвращаются к тезису о неизбежности мировой войны. Опасаясь выступить откровенными апологетами войны, они слово «война» заменяют абстрактным термином «колоссальные беспорядки на земле». Характеризуя международную обстановку, они говорят: «Надвигается ливень в горах, и весь терем продувается ветром». Эти цветистые фразы должны прикрыть линию маоистов на обострение международной напряженности. Именно поэтому в докладе Чжоу Энь-ляя на X съезде КПК разрядка международной напряженности характеризуется как «явление временное и поверхностное», а «колоссальные беспорядки» объявляются «делом хорошим, а не плохим». В этом недвусмысленно проявляются намерения Пекина противопоставить свою международную политику общей согласованной линии стран социалистического содружества на разрядку напряженности и упрочение дела мира, выработанной съездами коммунистических партий социалистических стран и еще раз четко изложенной в коммюнике Крымской встречи руководителей братских партий социалистических стран в июле 1973 года.

Рассматривая международную обстановку, Пекин полностью пытается сбросить со счетов социалистическую систему и социалистическое содружество. В отличие от доклада на IX съезде, в котором было выдвинуто положение о существовании в современном мире четырех крупных противоречий (противоречия между угнетенными нациями, с одной стороны, и империализмом и социал-империализмом — с другой; противоречия между пролетариатом и буржуазией в капиталистических и ревизионистских странах; противоречия между империалистическими странами и социал-империалистической страной, между самими империалистическими странами; противоречия между социалистическими странами, с одной стороны, и империализмом и социал-империализмом — с другой)²⁶, в докладе Чжоу Энь-ляя на X съезде эти противоречия сведены к противоречиям между США и СССР и противоречиям между всеми государствами мира, с одной стороны, и двумя «сверхдержавами» — с другой. Тактическая линия, вытекающая из этой трактовки основных противоречий современного мира, сводится к тому, чтобы «усиливать сплоченность... со всеми странами» для борьбы против гегемонизма двух «сверхдержав» — США и Советского Союза²⁷.

Характерно, что в материалах X съезда уже не только не воспроизводятся призывы похоронить американский империализм, выдвинутый предшествующим съездом, но снято также и указание на то, что американский империализм до сих пор все еще оккупирует нашу территорию Тайвань²⁸. Руководители КНР вопреки своим еще недавним многочисленным торжественным заявлениям пошли, по существу, на установление дипломатических отношений с США на условиях фактического согласия с теорией «двух Китаев».

²⁶ «IX Всекитайский съезд КПК». Документы. Пекин. 1969, стр. 76 (на русск. яз.).

²⁷ «Жэньминь жибао», 1. IX. 1973.

²⁸ Там же.

Главный удар нынешние китайские лидеры пытаются направить против Советского Союза. Маоисты всячески клеветают на внутреннюю и внешнюю политику КПСС, Советского государства. Говоря об опасности мировой войны, они особый упор делают на мифическую опасность «внезапного нападения социал-империализма», под которым, как известно, они подразумевают Советский Союз. Пресловутый социал-империализм изображается более агрессивным, чем американский империализм. На основании этого китайские руководители пускаются в псевдонаучные рассуждения о возможности компромиссов с империализмом для противодействия социал-империализму. Тем самым делается попытка оправдать курс на беспринципное сближение с крупнейшими западными державами на антисоветской основе.

Как известно, линия китайских руководителей на сближение с Западом вызывает широкие комментарии на международной арене. Все трезвомыслящие наблюдатели подчеркивают, что эта линия преследует корыстные интересы и рассчитана на использование возможности западных держав для достижения великодержавных, шовинистических, гегемонистских целей Пекина на международной арене. Ослепленные антисоветизмом пекинские лидеры хотели бы использовать свое сближение с Западом и для того, чтобы помешать как общей разрядке международной напряженности, так и нормализации отношений западных государств с Советским Союзом и другими социалистическими странами. За свою антисоветскую политику Пекин хотел бы получить на Западе не только политическую поддержку своим шовинистическим амбициям, но и экономическую помощь.

Таким образом, X съезд КПК укрепил идейно и политически серьезный сдвиг вправо в области внешнеполитической ориентации Китая. Этот сдвиг неразрывно связан с внутренними процессами в КНР, с социал-шовинистической политикой маоистов в целом.

Общественные науки КНР и попытки маоистов идеологически оправдать социал-шовинистический курс. Поскольку линия маоистов сталкивается с растущим сопротивлением сознательных элементов китайского общества, лидеры Пекина стремятся всячески закамouflировать свою антисоциалистическую политику, изобразить ее как отражение коренных интересов китайского народа и показать, что она соответствует историческим традициям Китая. В этой связи особое внимание уделяется идеологической обработке населения и в первую очередь партийно-государственных кадров и интеллигенции. Ведущая роль в этом направлении отводится общественным наукам, которые ранее всячески третировались маоистами. Происходит своего рода приспособление этих наук к потребностям маоистской политики.

Одной из важных сфер идеологической борьбы маоизма против марксизма-ленинизма, коммунистических партий, против социалистического содружества и в первую очередь против Советского Союза, за теоретическое обоснование гегемонистских претензий и особой роли Китая стала *историческая наука*: археология, история Китая, всемирная история, история философии, история международного рабочего движения. Из многочисленных научных журналов в 1972 г. возобновился выпуск только двух — археологических вестников «Каогу» и «Вэньу». В 1972 г. в Китае по исторической тематике было издано около 30 монографий, брошюр и статей. В 1973 г. число такого рода изданий увеличилось еще более. Содержание подавляющего большинства этих публикаций свидетельствует о стремлении пекинских идеологов использовать историческую науку для подкрепления целого ряда маоистских концепций, пропаганды великодержавно-националистического курса Китая, оправдания его территориальных притязаний к другим странам, культивиро-

вания национализма и антисоветизма в китайском народе ²⁹. В публикациях исторического характера отчетливо прослеживаются следующие основные концепции:

1. Всемерное подчеркивание исключительности китайской (ханьской) цивилизации, ее древнего характера; стремление подтвердить ссылками на «неопровержимые» исторические факты, что ее доминирование искони распространялось на многие периферийные районы Дальнего Востока, в том числе Синьцзян, Монголию, бассейн реки Амура; проведение мысли о близости и общности исторических судеб и интересов народов, населяющих современный Китай. Тезис о древности китайской цивилизации обыгрывается таким образом, чтобы показать «исстари сложившиеся культурно-этнические связи» между народностями, населяющими территорию Китая и соседних с ним государств. На утверждение этой концепции направлена также официально принятая периодизация древней истории Китая (относящая установление феодализма в Китае к V в. до н. э.), а также многочисленные и вполне возможно ложные «материалы» археологических изысканий. Например, в брошюре о Цинь Ши-хуане ³⁰, основателе первой китайской деспотии III в. до н. э., приводится «свидетельство» летописи о приношении даров правителям древних китайских династий послами различных племен из соседних государств, в число которых включены племена, обитавшие в бассейне Амура, на Монгольском плоскогорье, к западу от озера Балхаш.

Прославление древнекитайского деспота императора Цинь Ши-хуана в китайской печати связано также с внутренней политической борьбой и прежде всего с защитой Мао Цзэ-дуна от критики со стороны китайской интеллигенции. Еще в 1957 г., выступая на одном из рабочих совещаний ЦК КПК, Мао Цзэ-дун говорил, что многие интеллигенты Китая называют его деспотом типа Цинь Ши-хуана. Мао Цзэ-дун, выступая перед интеллигенцией в 1958 г., заявил: нельзя только придерживаться демократии, надо сочетать Маркса с Цинь Ши-хуаном. В своей речи на второй сессии VIII съезда КПК 3 мая 1958 г. Мао Цзэ-дун для обоснования тезиса об использовании древности в интересах современности приводил в пример Цинь Ши-хуана: «По-моему, Цинь Ши-хуан в этом смысле был большим специалистом. Он издал приказ, который гласил: «Кто ради древности отвергает современное, род того будет искоренен до третьего колена». Если ты привержен к старине, не признаешь нового, то вырежут всю твою семью. Цинь Ши-хуан закопал живьем всего 460 конфуцианцев! Однако ему далеко до нас. Мы во время чистки расправились с несколькими десятками тысяч человек. Мы поступали, как десять Цинь Ши-хуанов. Я утверждаю, что мы почище Цинь Ши-хуана. Тот закопал живьем 460 человек, а мы 46 тысяч, в 100 раз больше. Ведь убить, а потом вырыть могилу и похоронить — это тоже означает закопать живьем! Нас ругают, называя Цинь Ши-хуанами, узурпаторами. Мы все это признаем и считаем, что еще мало сделали в этом отношении, можно сделать еще больше» ³¹. Из документа ЦК КПК от 13 января 1972 г. относительно «дела Линь Бяо» следует, что Линь Бяо и его сторонники также обвинили Мао Цзэ-дуна в насаждении деспотических феодальных порядков в стране и назвали его современным Цинь Ши-хуаном.

²⁹ См. Ши Цзюнь. Об изучении всемирной истории. «Хунци», 1972. №№ 5, 6, 7, 11 (в 1973 г. эти статьи выпущены отдельным сборником под названием «Почитаем много мировую историю»); Хун Ши-ди. Чэнь Шэн, У Гуан. Шанхай. 1972; «Вторая опиумная война». Шанхай. 1972; «Китайско-японская война 1896 г.». Шанхай. 1972; Фан Вэнь-лань. Очерки всеобщей истории Китая. Тт. I—IV. Пекин. 1972; «Сто дней реформы». Шанхай. 1972; «Движение ихэтуаней». Шанхай. 1972; «Синьхайская революция». Шанхай. 1972. Ян Тань-ши, Ван Ян-мин, Ян Юн-го (гл. ред.). Краткая история китайской философии. Пекин. 1973; «Изучим немного историю философии». Шанхай. 1973.

³⁰ Хун Ши-ди. Цинь Ши-хуан. Шанхай. 1972.

³¹ См. «Мао Цзэ-дун сысян вансуй».

В буклете «Памятники культуры, найденные в период культурной революции», рассказывается о раскопках в Турфанском районе Синьцзяна, в ходе которых были якобы обнаружены деревянные миски с пельменями. Это преподносится в качестве «вещественного доказательства» утверждения: «Пельмени — традиционное блюдо китайской национальности. Следовательно, это открытие доказывает, что уже в эпоху Тан обычаи в Турфанском районе не отличались от обычаев, существовавших во внутренних районах страны». На основе раскопок, якобы произведенных в районе Уссури, делается вывод, что «обитавшие в районе р. Уссури маньчжурские племена с древних времен являлись частью китайской нации и имели тесные политические, экономические и культурные связи с ханьской национальностью»³². Пытаясь обосновать данную концепцию, китайские пропагандисты допускают враждебные выпады в адрес советской исторической науки. Советские ученые обвиняются в том, что они «отрицают древность китайской истории и богатство китайской культуры»³³.

2. Широко пропагандируется особая миссия ханьской нации в истории. Часто повторяется тезис, что-де перед китайским народом стоит задача по «свершению и доведению до конца мировой революции»³⁴.

3. Важное место в современных китайских исторических публикациях занимает освещение новой истории, особенно середины XIX столетия. Формально авторы анализируют тему империалистической агрессии в Китае. Однако подбор фактов и расстановка акцентов сделаны таким образом, чтобы под прикрытием научного анализа пропагандировать великоханьский шовинизм и антисоветизм. Так, территориальные притязания к СССР подаются в плане общего рассмотрения вопроса об империалистических захватах в Китае. В отношении политики России говорится, что она была «наиболее опасной», «начала агрессию раньше других», захватила больше всех. Повторяются утверждения, что Россия якобы «захватила китайскую территорию, превосходящую по размеру больше чем в три раза Францию»³⁵, что Россия «аннексировала более 1 млн. кв. км территории Китая севернее Амура и восточнее Уссури» и т. д. В этих публикациях об Амуре безапелляционно говорится как о «внутреннем водном бассейне Китая». Земли по обоим берегам Амура и Уссури именуется «родиной», «родовыми владениями» маньчжурских императоров и маньчжурской аристократии³⁶.

Особенно разнузданный характер носит комментарий к сборнику упоминавшихся выше статей Ши Цзюня «Почитаем немного мировую историю». В нем рассказывается об «экспансии царской России», преднамеренно опускаются всякие упоминания об Октябрьской революции, о ленинских декретах в отношении угнетенных народов и наций, в том числе о денонсации всех неравноправных договоров с Китаем, о всесторонней помощи Советского Союза китайскому народу. Пекинские идеологи настойчиво пытаются провести мысль о некоей преемственности политики царской России и Советского Союза в отношении Китая и других районов мира.

Выпущенная в 1973 г. книга «Краткая история китайской философии» под редакцией известного еще до «культурной революции» кантонского ученого, профессора университета имени Сунь Ят-сена Ян Юн-го также преследует узкоутилитарную цель — «с помощью идеологического наследия», «путем критики реакционных взглядов Конфуция, Мэн-цзы и др.» разоблачить «мошенников и интриганов типа Лю Шао-ци». В этой

³² «Памятники культуры, найденные в период культурной революции». Пекин. 1972, стр. 66—79.

³³ Ши С и н. Первобытное общество. Шанхай. 1972.

³⁴ См. «Хунци», 1972, №№ 5, 6, 11.

³⁵ «Синьхайская революция». Шанхай. 1972, стр. 2.

³⁶ «Вторая опиумная война», стр. 36—41.

книге рассмотрение идеологии заканчивается изложением взглядов Сунь Ят-сена. Авторы книги, приводя высказывания В. И. Ленина о революционной деятельности Сунь Ят-сена, вместе с тем сознательно обходят молчанием влияние Великой Октябрьской социалистической революции на формирование воззрений великого китайского революционера-демократа. Следуя в русле антисоветизма, авторы умалчивают и о трех новых политических принципах Сунь Ят-сена, выдвинутых им после установления контактов и сотрудничества с СССР и Коминтерном. Совершенно замалчивается, например, значение трех новых принципов Сунь Ят-сена: «Союз с Россией, союз с компартией, поддержка рабочих и крестьян». Маоисты не могут позволить себе комментировать эти идеи Сунь Ят-сена³⁷.

В последнее время на страницах китайской печати все чаще стали появляться подготовленные агентством Синьхуа клеветнические, анти-советские статьи, которые направлены на извращение истории образования единого Русского государства и истории образования многонационального Советского государства. Авторы этих статей прибегают к «аргументации», используемой контрреволюционной националистической белой эмиграцией и реваншистскими кругами на Западе³⁸. Подвергаются грубым нападкам и искажениям публикации «Большой Советской Энциклопедии», исторических журналов, выпускаемых в СССР, книги по истории СССР и истории отдельных союзных республик, «Новая история Китая», «Новейшая история Китая» и т. д. Маоисты не останавливаются и перед беспардонной фальсификацией трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, пытаются без всякого основания перенести оценки империалистической политики царского правительства на политику Советского Союза, бросить тень на великую и нерушимую братскую дружбу народов Советского Союза.

Отвечая на призыв КПСС, советские ученые-китаеведы рассматривают развитие и защиту марксистско-ленинской исторической науки как свой первейший долг. В этой связи важное место в деятельности советских ученых занимают как критика теории и практики маоизма, так и глубокое объективное изучение истории Китая, культуры китайского народа, его достижений в области науки, техники, искусства и т. д. Советские ученые в последнее время подготовили немало фундаментальных исследований, в которых на основании большого количества источников с классовых позиций показывается ход истории Китая, его культуры с древнейших времен до наших дней³⁹. Большое значение придается изу-

³⁷ Ян Тань-ши, Ван Ян-мин, Ян Юн-го (гл. ред.). Указ. соч.

³⁸ Наиболее ярким примером публикаций такого рода является комментарий корреспондента Синьхуа от 25 августа 1973 г., озаглавленный: «Две династии, одна черная линия».

³⁹ «Рабочее движение в Китае. Революция 1924—1927 гг.». Сборник документов. М. 1966; «Ленинская политика СССР в отношении Китая». М. 1968; «Движение 4 мая 1919 года в Китае». Документы и материалы. М. 1969; «Коминтерн и Восток». М. 1969; «Русско-китайские отношения в XVII веке». Материалы и документы в 2-х томах. Т. I. 1608—1683. М. 1969; т. II. 1686—1691. М. 1972; «Ленин и Китай». М. 1970; «Татаро-монголы в Азии и Европе». Сборник статей. М. 1970; «Китай и соседи в древности и средневековье». М. 1970; «Ленин и проблемы современного Китая». Сборник статей. М. 1971; «Историческая наука в КНР». Сборник статей. М. 1971; «Древнекитайская философия». Тт. I, II. М. 1972, 1973; «Новая история Китая». М. 1972; «Новейшая история Китая». М. 1972; М. И. Казанин. В штабе Блюхера (Воспоминания о китайской революции 1925—1927 гг.). М. 1966; Н. И. Кончиц. Китайские дневники. 1925—1926 гг. М. 1966; М. С. Капица. КНР: два десятилетия — две политики. М. 1969; М. Л. Алтайский, В. Г. Георгиев. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. М. 1969; Ван Мин. О событиях в Китае. М. 1969; его же. Ленин, ленинизм и китайская революция. М. 1970; Л. П. Делюсин. Спор о социализме. М. 1970; его же. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК. М. 1972; «Видные советские коммунисты — участники китайской революции». М. 1970; А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае (1925—1927). 2-е изд. М. 1971; О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения.

чению новейшего периода истории Китая, КПК, китайской революции, изданию документов и воспоминаний непосредственных участников революционных событий. Все более заметную роль в отстаивании исторической правды от маоистских фальсификаций играют журналы «Вопросы истории КПСС», «Вопросы истории», «Проблемы Дальнего Востока» и другие.

Концентрация усилий советских историков-китаеведов на наиболее актуальных периодах новой и новейшей истории Китая, на изучении идеологической борьбы в этой стране — важное условие успешной идейно-политической борьбы марксизма-ленинизма против социал-шовинистической идеологии маоизма.

Анализ последствий маоистской «культурной революции» для внутренней и внешней политики Китая невольно подводит к вопросу: что же представляет собой сегодняшнее китайское общество? Как может страна, именуемая социалистической, проводить внутреннюю и внешнюю политику, противоречащую коренным интересам социализма, коренным интересам трудящихся? Следует подчеркнуть, что в настоящее время невозможно вынести окончательное суждение о характере общественного и государственного строя, существующего ныне в КНР. Страна находится в состоянии острого кризиса, далеко не завершена борьба между маоистами и оппозиционными силами, в том числе интернационалистскими кадрами Коммунистической партии Китая.

Тем не менее в предварительном порядке можно дать некоторые оценки. Анализ социально-политических процессов в Китае показывает, что это, безусловно, не капиталистическое общество. В то же время сейчас оно не может быть охарактеризовано и как общество, последовательно развивающееся по социалистическому пути. Сохраняющиеся социалистические элементы в экономике и социальной структуре КНР нейтрализуются, по сути дела, сводятся на нет характером власти. Эта власть не выполняет задач диктатуры пролетариата в марксистско-ленинском понимании или хотя бы революционной диктатуры рабочего класса и крестьянства, а представляет собой военно-бюрократическую диктатуру, которая опирается на насилие, используя методы социальной демагогии, маневрирует между классами и эксплуатирует в своих корыстных целях настроения наиболее отсталых общественных слоев (люмпен-пролетариата, деклассированных элементов и др.).

Говоря о методе социального маневрирования, В. И. Ленин подчеркивал историческую неизбежность подобных приемов в условиях, когда власть не имеет «...твердой, прочной, испытанной цельной социальной опоры, когда приходится лавировать между разнородными элементами. Если демократические классы бессильны или особенно ослаблены временными причинами, то подобные приемы могут сопровождаться «успехами» в течение ряда лет»⁴⁰. Опыт Китая показал, что режим, лавирующий между социальными группами, способен на определенное время осуществить на практике реакционные идеи мелкобуржуазного социализма или «казарменного коммунизма». Такой общественный порядок не может быть устойчивым, раньше или позже он неизбежно обречен

1945—1970. Краткий очерк. М. 1972; А. М. Румянцев. Истоки и эволюция «идей» Мао Цзэ-дуна. М. 1972; Л. Н. Борох «Союз возрождения Китая». М. 1971; О. Е. Владимиров. Незабываемые страницы истории и маоистские фальсификаторы. М. 1971; М. И. Сладковский. Китай и Япония. М. 1971; Б. Г. Сапожников. Китайский фронт во второй мировой войне. М. 1971; А. Г. Крымов. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае 1900—1917 гг. М. 1972; О. Владимиров, В. Рязанцев. Страницы политической биографии Мао Цзэ-дуна. Изд. 2-е. М. 1973.

⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 321.

на распад. Это тупик в общественном развитии, обнаруживающий в конечном счете утопический характер положенных в его основу идей. Проходя через серию политических кризисов и социальных потрясений, такое общество должно будет двигаться либо к социализму, либо к капитализму.

При всем своем временном характере, при всей своей непрочности и неустойчивости маоцзедуновский режим показал во всей наготе реакционную суть «казарменного коммунизма», являющегося пародией на подлинный, научный социализм. Если охарактеризовать кратко основные черты общества, складывающегося в Китае на нынешнем этапе, то это: в экономике — милитаризация всего народного хозяйства и подчинение его интересам военной бюрократии; организация труда по армейскому образцу; возрождение в деревне автаркической азиатской общины; консервация низкого уровня потребления («пищу, рассчитанную на трех человек, должны есть пять человек»); в социальном отношении — торможение роста рабочего класса, консервация неразвитой классовой структуры, искусственное нивелирование социальных слоев; противопоставление деревни городу; сохранение узкой группы научно-технической элиты, обслуживающей милитаристские цели, и вместе с тем поход против интеллигенции, ставка на превращение общества в безликую, однородную массу, состоящую из «нержавеющих винтиков», «буйволов», «солдат» всемогущего правителя; в политике — военно-бюрократическая диктатура, опирающаяся на армию и методы социальной демагогии; полное отстранение трудящихся от участия в управлении государством; поспание какой бы то ни было законности; феодальная по типу иерархическая организация власти во главе с лидером, стоящим вне всякого контроля и приравненным к божеству; в идеологической сфере — насильственное насаждение маоизма в качестве единственной идеологии, своего рода религии; разрушение традиционных ценностей народной культуры, сознательная консервация культурной отсталости; изоляция общества от мировой цивилизации.

Если дать самую краткую характеристику нынешней трагедии Китая, то следовало бы привести следующие слова К. Маркса: «Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, вдруг оказывается перенесенным назад, в умершую эпоху...»⁴¹.

Маоистская «культурная революция», антисоциалистическая, антисоветская направленность решений IX и X съездов КПК и всей деятельности пекинского руководства внутри страны и на международной арене привели к новой ситуации, которая оказывает отрицательное воздействие на всю мировую обстановку и условия борьбы антиимпериалистических, революционных сил.

События в Китае, как предшествовавшие «культурной революции», так и последовавшие за ней, со всей убедительностью показали правильность тех предупреждений об опасности деформации социализма в Китае под влиянием шовинистической маоистской политики, которые неоднократно делала Коммунистическая партия Советского Союза. Еще в начале 60-х годов КПСС показала лживый характер «левой» фразы, демагогический характер ультрареволюционных, антиимпериалистических лозунгов маоистов⁴². Ныне маоизм в полном соответствии со своей мелкобуржуазной сущностью переметнулся от «левого» уклона к правому: отброшены революционные фразы, забыты антиимпериалистические лозунги, в политике маоистов все явственнее дает себя знать социалшовинизм. Закрепив на X съезде КПК свой прежний антисоциалистиче-

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 121.

⁴² «За сплоченность международного коммунистического движения». Документы и материалы. М. 1964.

ский, антисоветский курс, они подрывают по всем направлениям социалистические завоевания китайских трудящихся, деформируют социалистический базис, превращают Китай в объективного союзника агрессивных империалистических сил.

Стремление китайских коммунистов, передовых представителей рабочего класса, крестьянства, интеллигенции к возврату на путь научного социализма, неспособность группы Мао, несмотря на все многочисленные чистки и потрясения периода «культурной революции», расправиться со своими противниками показывают, насколько глубоко пустили корни основы социализма, заложенные в КНР в первое десятилетие после победы народной революции. Китайским коммунистам есть за что бороться: это курс на построение социализма, проверенный опытом народов братских стран, самим китайским народом и зафиксированный в решениях VIII съезда КПК (1956 г.).

Что касается КПСС, то ее линия в отношении Китая ясна и принципиальна. Она продиктована заботой о долговременных коренных интересах мирового социализма, народов как Советского Союза, так и Китая. Даже в разгар «культурной революции», в самые трудные периоды обострения советско-китайских отношений КПСС и Советское государство, проявляя твердость в защите интересов и безопасности Советской страны, последовательно отстаивая марксизм-ленинизм, стремились к урегулированию разногласий и к сотрудничеству с КНР. Советский Союз выступает за дружбу и сотрудничество с Китаем на разумной основе в интересах обеих стран и народов и не в ущерб третьим странам. Эта позиция Советского Союза была четко изложена на XXIV съезде КПСС и в выступлениях руководителей партии и правительства Советского Союза.

Выражая волю и мнение советских коммунистов, всех советских людей, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев заявил в докладе о 50-летию Советского Союза: «Мы хотим видеть Китай процветающей социалистической державой, вместе с ним бороться за мир, против империализма. Но когда это произойдет — зависит от самого Китая. И, конечно, никто не заставит нас отойти от нашей принципиальной марксистско-ленинской линии, от твердой защиты государственных интересов советского народа и неприкосновенности территории СССР, от решительной борьбы против раскольнической деятельности руководства КНР в социалистическом мире и в освободительном движении»⁴³.

⁴³ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М. 1972, стр. 33.